

Жена, сумазбродная по наружности.

(Новѣйшая повѣсть Гжи. Жанлисъ.)

Когда нравы вообще не изпорчены, тогда порокъ обыкновенно прячется, или является подъ личиною. Чтобъ избѣжать негодованія, или чтобъ успѣть въ своихъ видахъ, онъ старается казаться подъ наружностями добродѣтели: но когда развращеніе дошло до высочайшей степени, тогда Люди стыдятся быть благонамѣренными, или, стараясь скрывать благородныя черты душевныя, совсѣмъ ихъ изглаживаютъ. *Тартюфъ* принадлежитъ къ вѣку Лудовика XIV; *порочный по виду*, характеръ сумазбродный, появившійся въ Осьмомъ-надесять столѣтіи изображаетъ нравы нашего времени лучше, нежели могли бы то сдѣлать сатиры самыя остроумныя. Лицемѣръ притворяется и, въ нѣкоторомъ отношеніи, онъ правъ; порочный по виду отрицается самъ отъ себя: первый совсѣмъ не имѣетъ правилъ, другой измѣняетъ своимъ -- и вина его тѣмъ непростительнѣе: оба равно подлы, но послѣдній сверхъ того безразсуденъ и достоинъ осмѣянія. Онъ управляется не причинами основательными, но побужденіями совершенно робяческими; съ хладнокровіемъ прилѣпляется къ разврату -- чтобы нравиться тѣмъ, которыхъ презираетъ. Такой характеръ заслуживаетъ быть изображенъ перомъ искуснѣйшимъ, нежели мое; я ограничу себя начертаніемъ только слабыхъ его отгѣнковъ.

Эмилія и Матильда были дочери одного Придворнаго, который, во время господствованія ужаса, лишился головы на эшафотѣ. Обѣ сестры, едва вышедшія тогда изъ младенчества, были заключены въ мрачную темницу, и сохраненіемъ жизни своей обязаны благодѣтельнымъ стараніямъ молодаго Мервиля, сына одного купца Бордоскаго. Мервиль, имѣя отъ роду двадцать пять лѣтъ, отличался пріятною фізіогноміею, любезнымъ обращеніемъ, основательнымъ умомъ, чувствительною, благородною душею. Онъ полюбилъ страстно юную Эмилію, старшую сестру, которой было только пятнадцать лѣтъ отъ роду. Уважая злополучіе, молодость и невинность ея, онъ скрывалъ нѣжную склонность во глубинѣ души и показывалъ только братскую къ ней привязанность. По смерти кровожаднаго тиранна Франціи, обѣ сестры получили свободу; несчастныя сироты, безъ родныхъ, безъ друзей, безъ способовъ къ пропитанію, нашли въ дружбѣ Мервилевой нужную помощь. Онъ предложилъ имъ пристанище въ домѣ своей родственницы, Гжи. Миллеръ, вдовы одного маклера, которая, не бывъ богатою, проживала посредственные доходы, и имѣла одного только сына, равныхъ лѣтъ съ Мервилемъ. Дюмонъ -- имя молодаго человѣка -- не могъ равняться съ своимъ родственникомъ ни основательностію ума, ни любезностію нрава; напротивъ того, былъ грубъ и неловокъ, но не золъ, даже добръ и чувствителенъ въ душѣ своей. Эмилія и Матильда жили въ домѣ Гжи. Миллеръ до самой революціи, благополучно совершившейся 18 го Брюмера 1800 года. Въ это время пріѣхалъ во Францію Дарналь, дядя обѣихъ сестеръ по матери. Не бывъ дворяниномъ, онъ обладалъ нѣкогда знатнымъ богатствомъ; по возвращеніи въ отечество, отыскавъ нѣкоторые остатки имѣнія и, установивъ дѣла свои, принялъ къ себѣ обѣихъ племянницъ. Эмилія, которая превосходила красотою сестру свою, была его любимцею. Скоро надлежало исполниться ей двадцать лѣтъ; съ пріятнѣйшими наружностями, съ душею чувствительною и признательною, она соединяла въ себѣ нравъ любезнѣйшій. На вопросъ дяди она призналась ему, со всѣмъ чистосердечіемъ, въ любви своей къ Мервилю, къ великодушному Мервилю, единственному покровителю во время продолжительныхъ несчастій, единственному благодѣтелю обѣихъ сестеръ. „Такъ чтожь? отвѣчалъ Дарналь: и до революціи знатныя дѣвицы выходили въ замужество за разночинцевъ! Что дѣлали онѣ для подлой корысти, къ тому обязываетъ тебя склонность и признательность, особливо въ такое время, когда уничтожены всѣ отличія породы и званія. Впрочемъ, Мервиль при честномъ поведеніи имѣетъ годового дохода пятнадцать тысячъ ливровъ; это кладъ для тебя, любезная Эмилія! одобряю твой выборъ." Немного спустя, Мервиль получилъ руку Эмиліи. Матильда, ободренная примѣромъ сестры, также призналась дядѣ, что добрая Гжа. Миллеръ, которая пеклась о ней съ материнскою нѣжностію, весьма желала бы сочетать ее съ своимъ сыномъ. „Что ты, племянница! сказалъ Дарналь: этотъ Дюмонъ очень дурень." -- Нѣтъ, дядюшка! не очень, возразила Матильда. -- „Видъ его показываетъ глупца." -- Дядюшка! увѣряю васъ, что онъ не глупъ, и имѣетъ весьма хорошія качества. -- „Онъ кажется мнѣ своенравнымъ, грубымъ." -- О! совсѣмъ напротивъ! у него нравъ прелюбезной. -- „Милая племянница! вѣдь ты не любишь его?" -- За чтожь не любить его? -- „Какъ! любишь страстно, до безумія?^ -- О! это не нужно. -- „Не нужно, естли навсегда останешься при такихъ хорошихъ мысляхъ." -- Навсегда, дядюшка! даю вамъ въ томъ честное слово. -- „Хорошо! я согласенъ; можешь объявить это Гжѣ. Миллеръ." -- Спустя три недѣли послѣ свадьбы сестры своей, Матильда вышла за Дюмона, и осталась жить съ мужемъ въ домѣ свекрови. Эмилія и Мервиль поселились въ принадлежавшемъ ему прекрасномъ маленькомъ домикѣ, находящемся въ предмѣстіи города. Они не старались блистать Великолѣпіемъ, и располагали доходами не по модѣ, но по достатку; внутренность дома, убранная со вкусомъ, не была украшена тѣми